

прогресса должны быть обращены на ускорение возмущения, что ранее или позже оно должно произойти, но что он желал бы видеть осуществление этого еще до отъезда своего в Ревель, что он готов первый выйти на площадь и, если нужно будет, принесет себя в очистительную жертву святому делу свободы, которого первое условие успеха заключается в единодушии его поборников и прекращении всех споров о системах, а также в установлении прочных правил пропаганды». В конце своей речи он делал род воззвания к соединению в одно общество всех согласных с его образом мыслей.

В этом заключается сущность обеих речей его, сколько память моя в состоянии воспроизвести их. Слова же, которые я осмелился, для краткости, подчеркнуть, содержат сильный ответ мой на вопрос, предложенный мне высокою комиссиею. Ф. Толль.



ДЕЛО

**И. ЛЯТЖЕМЬСКОГО**

Источник: Дело петрашевцев:  
т. II, АН СССР, М-Л,  
1947 стр. 5189-227

**ДОКУМЕНТЫ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ  
И. Л. ЯСТРЖЕМБСКОГО**

**26. 1849 г. мая 2. — Отношение за № 843 начальника III отделения гр. А. Ф. Орлова к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову**

*Дело Аудиторiatского департамента Военного министерства № 55 по описи 1849 г. Ч. 23. Следственное дело о титулярном советнике Ястржембском\*. На 73 лл. Лл. 13—13 об.*

Секретно

М. г., Иван Александрович!

Вследствие отношения вашего высокопр-ва от 30 апреля № 5, имею честь уведомить, что при арестовании тит. с. Ястржембского взяты были все бумаги как собственно ему принадлежащие, так и жительствовавшего в его квартире двюродного брата его, отставного поручика Ястржембского, и все сии бумаги находятся в препровожденном к вам, при отношении от 24 апреля № 721, тюке с бумагами Ястржембского.

Примите уверение в совершенном моем к вам почтении и преданности.

Гр. Орлов.

**27. 1849 г. мая 4. — Отношение за № 12 председателя Комиссии по разбору бумаг арестованных кн. А. Ф. Голицына к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову**

*Ч. 23, л. 14. Копия*

Секретно

М. г., Иван Александрович!

Честь имею препроводить при сем к вашему высокопр-ву, при особых описях, бумаги Петрашевского, Ястржембского и Толя, по содержанию их обратившие особенное внимание. К сему долгом считаю присовокупить, что за окончанием

ныне разбора бумаг означенных лиц приступлено будет к таковому же бумаг Чирикова.

Примите, м. г., уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Подписал кн. Александр Голицын.

**28. 1849 г. мая 4. — Опись бумаг И. Л. Ястржембского**

Ч. 23, л. 15

Опись бумагам Ястржембского, препровожденным при отношении № 12

1. Письмо Петрашевского, о присылке к нему книг.
2. Письмо Пальма.

Д. с. с. Федерштерн.

**29. 1849 г. мая 4. — Бумаги И. Л. Ястржембского, отобранные Комиссией по разбору бумаг арестованных**

**1. 1849 г. марта 16. — Записка М. В. Петрашевского И. Л. Ястржембскому**

Ч. 23, л. 16. Автограф

Сделайте одолжение, пришлите с сим посланным список книг, мною Вам данный. Быть может посланный Вас мой дома не застанет, почему для Вас исполнить au pied de la lettre<sup>1</sup> мою просьбу будет невозможно; и как дело не в том, чтоб иметь этот список мне теперь, но в пятницу, почему и потрудитесь его тогда к 6½ часам принести. Этим Вы весьма

имеющего быть etc. Вашим etc.

М. Буташевич Петрашевский.

1849 года, 16 марта.

**II. Около 1847—1848 гг. Записка А. И. Пальма к И. Л. Ястржембскому**

Ч. 23, л. 17. — Автограф. Судя по упоминанию о Доргобужинове и Артемовском, не бывавших у Петрашевского, записка относится к раннему периоду знакомства Ястржембского с Пальмом, Дуровым и Щелковым, которые жили вместе уже в 1847 г.

<sup>2</sup> А вы опять надели ваш халат и дуете чай в вашей бане, неправильно названной ф а т е р о й у ч и т е л я! Долго ли Вам париться дома!? Здесь многочисленное и благовоспитанное общество желает Вас принять в общие объятия... а Вы! О,

<sup>1</sup> буквально <sup>2</sup> обращение не разобрано

злонамеренный Пан! Вы отговариваетесь и продолжаете лежать дома, как байбак. Если Вы нас любите хоть на золотник, то натягивайте штаны — или, пожалуй, и не натягивайте, а приходите сюда. Здесь Ламанский, Доргобужинов, Артемовский, Толбин и, наконец, наша грешная тройца.

Пожалуйста приходите скорее. А. Пальм.<sup>1</sup>

Ламанский имеет передать Вам что-то от Катерины Ивановны. Приходи, ад! Доргобужинов.

**30. 1849 г. мая 9. — Показание И. Л. Ястржембского**  
Ч. 23, л. 1. Автограф. Написано при допросе. Датировано по журналу Следственной комиссии

Ястржембский при расспросе в комиссии объяснил, между прочим, что он<sup>2</sup> \* полагает, что бывавшие в обществе Петрашевского желали конституционного правления.<sup>3</sup>

Разговор с извозчиком об оброке он рассказывал в обществе Петрашевского, но разговор этот был им выдуман.

И. Ястржембский.

Далее в то же заседание он объяснил, что, бывая в Малороссии и в<sup>4</sup> западных губерниях, он убедился, что вообще простой народ не имеет понятия о<sup>5</sup> высшем правительстве и далее станового пристава не знает.

И. Ястржембский.

**31. 1849 г. не ранее 9 мая. — Показание И. Л. Ястржембского**

Ч. 23, лл. 2—6. Автограф. Написано после допроса 9 мая (журнал Следственной комиссии)

При допросе моем в комиссии, я заметил, что господа члены имеют некоторое убеждение, будто бы я непременно знаю о тайных и виновных намерениях лиц, собиравшихся по пятницам у г. Петрашевского, но что не хочу в этом сознаться. Знаю, что следствие покажет мою в этом отношении невинность, но если бы господа члены знали, каким камнем ложится на душу подсудимого такое подозрение! Какую я ночь провел после допроса! На допросе я показал обо всем, о чем был спрашиван, самую искреннюю истину; теперь с дозволения господ членов комиссии, \* обливаясь слезами рассказывая и отчаяния, описываю искренно, чистосердечно и подробно<sup>6</sup> не только историю моего знакомства с г. Петрашев-

<sup>1</sup> дальше писано другой рукой <sup>2</sup> зач.: убежден <sup>3</sup> подчеркнуто <sup>4</sup> исправлено из: во всех <sup>5</sup> зач.: верховной власти <sup>6</sup> подчеркнуто

ским, но все мои задушевные мысли и даже мечты, и молю бога, да исподлет он в сердца моих судей луч своей истины, чтобы они были убеждены в настоящей и неподдельной искренности слов моих.

Первый раз я видел г. Петрашевского у Щелкова, в 1848 г., не помню хорошо, в январе, феврале или марте, но кажется, что в этом последнем месяце. Второй раз мы с ним сошлись 1-го мая того же года по предложению Дуроца, Щелкова и Пальма, пили у него чай и отправились вместе в Екатерингоф. Там же г. Петрашевский предложил мне прийти к нему.

По пятницам я начал у него бывать с сентября или конца августа того же 1848 года. Прежде мне Дуров, Щелков и Пальм сказали, что у Петрашевского в карты не играют, но разговаривают, а иногда и читают свои литературные произведения, чему я тем более поверил, что знал Дурова и Пальма как писателей повестей.

До времени моего ареста я был у г. Петрашевского раз десять или пятнадцать, приходил всегда в  $\frac{1}{2}$  девятого и уходил немедлен[н]о после закуски, между 12 и 1.

Вот самый верный рассказ о произведениях, которые там были читаны в моем присутствии.

В первый раз когда я пришел, какой-то молодой человек, фамилии которого я не знаю и которого после никогда уже не видел, говорил наизусть о распределении богатства и или дохода по методе Фурье (Fourier).<sup>1</sup>

Второй раз какой-то господин, Александр Пантеленч, кажется армянин и чиновник Министерства иностранных дел, но фамилия которого вышла теперь у меня из памяти, читал тоже наизусть о семейном и домашнем счастье, мысли его в этом чтении были тоже фурьеровские.

Третий раз, когда я был, я читал о любви, статью полусерьезную, полущуточную. После я предложил объяснить первые начала политической экономии и в пять или шесть заседаний я читал:

Определение промышленности, богатства, ценности, источников богатства: природы, труда и капитала; потребности — определил различие человека от животного на основании различия и разнообразия потребностей.

Теорию населения по Мальтусу и Сею, теорию первоначального распределения богатства или распределения дохода между предпринимателем промышленности, землевладельцем, капиталистом и работником; тут же

<sup>1</sup> отмечено на полях

опроверг нелепое мнение Прудона о поземельной собственности. О торговле, определение ее, различие от спекуляции, определение цены первоначальной и меновой.

О кредите и кредитных учреждениях — разбор сочинения об этом предмете графа Цешковского, доказательство, что кредит не может принести настоящего облегчения для пауперизма.

После некто г. Толь читал о религиозном чувстве в человеке, речи этой его я не слышал почти и не понял.

В последний раз когда я был, именно 16-го апреля, сам г. Петрашевский объявил, что по поводу предыдущего прения<sup>1</sup> (на котором я не был) \* он будет излагать несколько мыслей о том, что полезнее для России, введение ли гласного судопроизводства, или освобождение крестьян?<sup>2</sup> Изложения его я хорошо не понял, потому что он довольно трудно объясняется, но заключение помню, именно, что \*важнее судопроизводство гласное.<sup>3</sup>

В тот же самый вечер какой-то господин, фамилии которого я не знаю, читал \* переписку Белинского с Гоголем.<sup>4</sup>

Было несколько вечеров, на которых никто ничего не читал, а был разговор между группами посетителей. Да еще позабыл, в самом начале моих посещений какой-то господин, фамилии которого тоже не знаю и которого видел у Петрашевского раз или два, читал писанную речь, выспренным слогом, из которой я мог понять только, что \* не нужно подражать заговорщикам Западной Европы, а стараться мирным изучением системы Фурье содействовать счастью человечества.<sup>5</sup>

С самого начала моих посещений у г. Петрашевского я заметил, что у него беседы по большей части бывают о предметах политической экономии и что великая часть его посетителей, если не все, придерживаются системы и учения Fourier.

Я сам изучал статистику и политическую экономию, сверх того в этих предметах я не видел ничего опасного для разговоров и бесед, потому что пауперизм, этот бич Запада, еще слава богу не проник в Россию, и следовательно, предметов этих никак нельзя применить к России, да, сверх того, и учение Фурье я не считал опасным, потому что он именно говорит, что ни один образ правления преимущественно перед

<sup>1</sup> отмечено на полях <sup>2</sup>, <sup>3</sup>, <sup>4</sup> подчеркнуто красным карандашом

<sup>5</sup> отмечено на полях, надпись: Тимк[овский]

другим не может дать счастья людям,<sup>1</sup> и все однако ж отдает преимущество монархическому, счастье же людей, по его мнению, состоит в гармоническом производстве промышленности и гармоническом развитии естественных влечений, которые он называет страстями.

Мог ли я думать, что в таком доме, где всякую пятницу появляются новые лица, может скрываться какой-нибудь тайный замысел?

Во все течение моих посещений ни рассуждений об образе правления не было, и тем более не было рассуждаемо о каких-либо предметах, относящихся до России. Это я объявляю за положительную истину и уверен, что следствие то же окажется.

Только 16 апреля были читаны приведенные уже мною статьи, из которых я и заключил, что или сам Петрашевский, или некоторые из его посетителей могут мечтать о \* либеральных установлениях в России<sup>2</sup> — но имели ли они сумасбродную мысль сделать что-нибудь для устройства таких учреждений, положительно не знаю.

Я должен здесь еще заметить, что ни с самим г. Петрашевским, ни с кем-либо из посещавших его я особенно не только не подружился, ни познакомился, но даже не сошелся — Шелкова же, Дурова и Пальма я знал прежде, когда о Петрашевском даже и не слышал.

Еще я скажу, что от разговора о предметах, касающихся России, я не только у г. Петрашевского, но и везде избегал, как по той причине, чтобы не быть поставленным в неприятное положение, так, с другой, еще и потому, что изучив некоторые из этих предметов, как то: подати, таможенный тариф, я хотел о них представить проект государю императору и потому не хотел открывать об этом своих мыслей никому, чтобы самому получить милость и награду, которой я надеялся непременно, потому что мысли мои об этих предметах и некоторых других практические и удо[бо]исполнимы и польза их очевидна; но впоследствии меня удержала от этого мысль о моей незначительности, и я не осмелился предстать с моими проектами перед лицом такого монарха.

<sup>3</sup> Я позабыл, еще два раза читали: некто г. Львов, учитель химии в Павловском корпусе, о специальном образовании, и я — определение статистики и ее различие от других наук политических.

Вот искреннее изложение всех моих сношений с г. Петрашевским — истину этого моего показания откроет несомненно следствие. На допросе я отвечал искренно и, если найдена

<sup>1</sup> отмечено на полях <sup>2</sup> подчеркнуто, весь абзац отмечен на полях <sup>3</sup> № 1 в подлиннике

будет в моих словах какая-нибудь вина, то я в ней сознаюсь и искренно и чистосердечно раскаиваюсь, прибегая к высочайшему милосердию, тем с большим упованием, что присягу верноподданства я сохранил в сердце и на делах ненаруши-мо.

Такое мое показание подписываю И. Ястржембский.

Я получил разрешение при допросе иметь книги, а также необходимые некоторые удобства на свой счет — я должен заметить, что вероятно деньги, присланные на мое имя, принадлежат моему двоюродному брату, который, приехав недавно из Волынской губернии, жил у меня некоторое время, поэтому всепокорнейше прошу обратиться в Технологический институт, где мне следует жалованье, а также в Дворянский полк и Институт корпуса инженеров путей сообщения, где мне следуют деньги за уроки.

### **32. 1849 г. не позже (?) 11 июня. — Изложение социалистических систем, сделанное Ястржембским по требованию Следственной комиссии**

Ч. 23, лл. 7—12 об. Ответ — автограф. Датировано на том основании, что написано, повидимому, вслед за показанием, до формального допроса, происходившего 11 июня. Напечатано в сб. «Петрашевцы» по ред. П. Е. Щеголева, т. II, ГИЗ, 1927, стр. 111—117

[В.] Изложите в кратких, но резких чертах системы главных коммунистов и социалистов (каждого отдельно).

[О.] С одной стороны, распространявшаяся бедность именно в самых промышленных государствах, как то: в Великобритании и Франции, и распространявшаяся именно сообразно развитию промышленности, с другой стороны, успешной политической экономии побудили многих мыслителей доискиваться причины такого факта и придумывать различные средства, если не совершенно его уничтожить, то по крайней мере смягчить.

Необходимо для пояснения того, что будет следовать о системах социальных и коммунистических, изложить вкратце результаты исследований об этом предмете политико-экономов: Sismondi, Buvet и главнейшим образом Malthus'a. Вот они.

Нищета есть самая высшая степень бедности — она может существовать только в государствах довольно развитых, где, с одной стороны, промышленность достигла той степени, что может производить в избытке все предметы, служащие для удовлетворения человеческих потребностей, с другой стороны, где необходимо есть целый многочисленный класс людей, который не может достигнуть до обладания этими предметами и тем более страдает, что чувствует всю их не-

обходимость, будучи и довольно развит и видя других, обладающих этими предметами; в горде<sup>1</sup> диких американцев нищих в строгом смысле нет, потому что все равно бедны...

Что пауперизм есть следствие развития промышленности таким образом, как оно случилось в нынешней цивилизации, и что поэтому при обширном развитии промышленности не только что всякая бедность более выказывается от противоположности, но что необходимо развитие промышленности рождает класс бедный, — это видно из следующего обстоятельства.

Все предметы, удовлетворяющие человеческим потребностям, которые составляют богатство, производятся посредством участия следующих лиц: 1) предпринимателя промышленности, 2) землевладельца, 3) капиталиста, 4) работников. Предприниматель промышленности покупает участие всех прочих производителей и таким образом становится единственным хозяином произведенного предмета, — он поэтому торгуется с прочими сопроизводителями. Его прямой интерес: произвести как можно больше возможно лучших вещей и чтобы это обошлось ему как можно дешевле, потому что в таком только случае он продаст своих произведений потребителям как можно больше и получит возможно больше барыша. \* Следовательно, предприниматель промышленности имеет интерес прямо противоположный с прочими производителями он находится с ними в конкуренции (техническое слово).<sup>2</sup> Тем не менее, однако, должно заметить, что чем больше в государстве дельных предпринимателей промышленности и чем они больше получают барыша, тем промышленность больше развивается, больше образуется капиталов и больше вещей, удовлетворяющих человеческим потребностям, государство, как говорят, процветает. Но неизбежное следствие этого есть увеличение<sup>3</sup> класса нищих, который тем более страдает, чем промышленность более развита — это бывает вот почему.

Предприниматель промышленности торгуется с другими производителями. Если землевладелец не получит от предпринимателя промышленности за свою землю такой цены, как хочет? он ее будет эксплуатировать сам — то же можно сказать и о капиталисте. Да притом предприниматель промышленности знает, что лучшие покупщики его произведений суть землевладельцы и капиталисты и что чем больше они будут иметь дохода сами, тем больше у него купят, по этим причинам он их бережет. Но с работниками другое дело; если работник не продаст предпринимателю своей работы, никто у него ее не купит, если же не захочет ее продать

<sup>1</sup> т. е. в горде <sup>2</sup> отмечено на полях <sup>3</sup> зач.: нижего

по цене сходной для предпринимателя, тот прибегнет к машинам; отсюда то первое следствие, что предприниматели промышленности обыкновенно дают работникам такое содержание, которое достаточно для их физического только поддержания — это доказано еще в пол[итической] эк[ономии] Say'a.

Дальше доказано ясно Malthus'ом, что люди имеют стремление к размножению и обыкновенно умножаются сообразно средствам своего содержания, что чем меньше человек требует средств для своего содержания и, если сообразно<sup>1</sup> этим уменьшенным средствам умножается, тем больше подвержен бедствиям. Пример: Индия, Китай, где люди, если имеют горсть рису и хижину, размножаются, также Ирландия, но в этих странах при малейшем неурожае бедствия бывают ужасны. Далее доказано теорией и опытом, что бедняки больше всего размножаются.

Итак, работники в промышленных государствах, с одной стороны, принуждены довольствоваться очень скудными средствами содержания, с другой, по самой природе человеческой размножаются быстро, и поэтому предложение их работы бывает больше, и она становится дешевле, отчего происходят неисчислимые бедствия.

Нечего говорить, что опыт и теория доказали совершенную невозможность победить пауперизм различными мерами, которые предлагали политико-экономы, как то: общественная благотворительность (в Англии poor law), кассы сбережения, техническое образование.

При таких результатах теории и практики появилось много предположений и исследований о лучшем пособии пауперизму — о пересечении его в корне.<sup>2</sup>

Все мыслители, которые более добросовестно занимались этим предметом и старались решить вопрос общественный (социальный, названный так в противоположность политическому, в последнем исследуется решение о лучшем образе правления, в социальном об устройстве счастья общества, Société, и преимущественно частных лиц, посредством хорошего образа производства промышленности), — все эти мыслители называются социалистами. Из них первый и важнейший St Simon. Другие более практики, нежели мыслители, по большей части без всякого знания дела, видя что есть бедные и богатые, старались обратить последних и для своего оправдания приводили различные софизмы. Из них важнейший есть Прудон, он может быть почитан их представителем.

<sup>1</sup> зач.: им <sup>2</sup> больше зачеркнут абзац: 1) Simon de Sismondi первый видел

Еще одно важное различие между социалистами и коммунистами состоит в том, что первые почитают причиной бедствий работников начало конкуренции, на котором основана теперь промышленность, противоположность интересов между производителями и стараются заменить его другим началом, именно ассоциацией, солидарностью интересов. Другие, наоборот, проповедают раздел имущества под различными видами и отвергают всякую собственность.

Прежде их появившийся Fourier, но развивший свою систему почти в одно с ними время, должен быть от них отделен совершенно; краткое изложение, хотя очень недостаточно, но укажет существенное это различие.

1) Simon de Sismondi в своей политической экономии заметил уже, что, несмотря на пользу от введения машин, с этим введением много работников теряют работу, а следственно и барыш, и<sup>1</sup> средства содержания. Он предлагает ограничить возможность вводить машины и предлагает род организации труда под наблюдением правительства, следовательно, должен быть отнесен к социалистам.

2) St Simon. Начало St Simon'a есть то, что он отдает имущество труду работников перед производительностью капиталов и земли и поэтому требует подчинения капиталистов влиянию работников и постепенного уничтожения частного владения землею; по его мнению, землею должно владеть все общество под наблюдением правительства. Промышленность он советует устроить так, чтобы всякий мог заниматься сообразно своим способностям и получать вознаграждение по мере того, что произвел. *A chacun selon sa capacité, à chaque capacité selon ses oeuvres*<sup>2</sup> — вот его девиз. Судьею в распределении этого возмездия и определителем или учредителем работ, по его мнению, должно быть правительство или власть, *autorité*.

3) Louis Blanc, Legeux и прочие этой школы желают, во-первых, организации труда, то-есть вмешательства власти в дело промышленности для того, чтобы оградить работников от притеснения предпринимателей, и главное желают, чтобы работники кроме задельной платы участвовали в барышах предприятия. Далее они говорят, что капитал сам по себе не производит ничего, если к нему не будет приложена работа, а следовательно желают подчинения интереса капиталистов интересу работников. Они провозглашают, что всякий член общества, лишь бы имел желание трудиться, имеет право на содержание от общества — *droit au travail*, на безвозмездное воспитание детей и т. д.

<sup>1</sup> Знач.: следствие <sup>2</sup> Каждому по способностям, каждой способности по ее делам

4) Proudhon идет еще далее, он и его последователи отвергают вовсе поземельную собственность. Далее Proudhon нападает на излишние барыши предпринимателей промышленности, капиталистов, землевладельцев, высших чиновников, артистов с большим талантом и т. д., вообще вся его система одушевлена завистью к богатым, он предлагает нелепый способ мерять цену всех предметов посредством труда и ценить, напр., как труд первостатейного живописца, так и работу землекопа числом рабочих дней. Далее, чтобы уравнивать имения и<sup>1</sup> распределить общественные тяжести равномерно, он и его последователи предлагают, чтобы общество приносило пособия бедным посредством обеспечения им права на труд и *minimum* содержания и умеривало бы великие фортуны или имения посредством уничтожения частной поземельной собственности и введения так названного *impôt progressif*, т. е. платежа податей, соразмерно увеличивающегося с доходом. Напр., кто имеет 1000 р. дохода платит по 3%, кто 10 000, тот по 30% и т. д.

Все эти системы более или менее ложны и могут вести ко вредным последствиям, должно, однако, заметить, что один<sup>2</sup> Proudhon отличается особенно резкостью выражений, незнанием первых начал политической экономии и софизмами. Его опровергал Thier, но недостаточно, Thier обнаружил, по моему мнению, тоже много незнания в этом деле. Должно еще заметить, что для России все эти системы совершенно посторонни. Сельское население, хотя в крепостном состоянии, но не нищенствует, потому что крепостное состояние есть вид, хотя грубый, ассоциации — в строгом смысле интересы барина тождественны с интересами крестьянина, чем последний богаче, тем лучше первому, да и закон обязывает помещиков наделить крестьянина землею. Отношение работников на фабриках, в случае чрезвычайного уменьшения платы за работу, они все обращаются к земледелию — так что в России, собственно говоря, нет пролетариев, ни пауперизма. Это явление повторяется и в других европейских государствах, напр., в Голландии и Пруссии, и везде заметно сравнительное отсутствие нищеты от одних и тех же причин, напр., в Пруссии сельское население наделено землею.

Систему ассоциации в ближайшем ее применении к мануфактурной промышленности старался ввести практически в Северо-Американских Соединенных Штатах Owen, он даже в 1818 г. на этот предмет получил от покойного прусского короля значительное денежное вспомоществование — но система его рушилась.

<sup>1</sup> Знач.: сделать <sup>2</sup> исправлено из: одна система

05  
Вот, сколько мне известно, главнейшие черты социалистических и коммунистических учений. Но учение Fourrier существенно от них отличается, никаким образом нельзя его изложить вкратце, поэтому высказанные здесь черты могут обозначить характер его учения, но никак не его сущность. Лучшее всех сократил его учение, по моему мнению, Briancourt в краткой брошюрке «Organisation de travail».

Fourrier, сознавая верховный творческий разум и его единство, заключает, что всякое существо создано богом с запасом средств, совершенно приличным для совершения его судьбы, по его афоризму: l'attraction est<sup>1</sup> proportionnée à la destinée<sup>2</sup>, и поэтому, рассматривая судьбу человека на земле, он видит, что ему должно здесь жить, т. е. удовлетворять своим потребностям, влечениям, или как он называет страстям, посредством своей деятельности. Fourrier спрашивает себя, может ли быть, чтобы эта деятельность могла составлять несчастье человека, как это обыкновенно думают, и отвечает, что нет, но что наоборот деятельность эта должна составить его счастье, если же видим противное, т. е. что промышленность производится с тяжелым трудом, то это происходит оттого, что человек не умеет взяться за дело, и поэтому предлагает способы сделать промышленность привлекательною — travail attrayant.

Не стану оправдывать здесь слова страсти, употребленного Fourrier, в теперешнем моем положении на это у меня нет довольно сил; скажу только, что оно употреблено вовсе не в дурном смысле. Fourrier говорит, что природные человеческие влечения, называемые им страстями, тогда только производят зло, когда дурно направлены, если же они развиваются гармонически, тогда от них происходит добро. Отсюда и его система называется harmonie, на гармонии она вся устроена.

Далее Fourrier говорит, что если по его системе производить промышленность, то она принесет возможно большее количество богатства и будет иметь следствием вместе предупреждение чрезмерного умножения населения. Здесь упрекают его в безнравственности, потому что он ввел в свое учение l'amour libre.<sup>3</sup> Не стану опровергать этого упрека, он опровергается сам при малейшем исследовании учения Fourrier, скажу только, что он вовсе не принуждает к бесхозяйности и развратной жизни, а только свободу развода в супружестве доводит до крайних пределов, и что при его системе нет проституции и быть не может.

Fourrier не только допускает собственность поземельную,

<sup>1</sup> зач.: passion <sup>2</sup> l'attraction est proportionnelle à la destinée стремление пропорционально предназначению <sup>3</sup> свободную любовь

пользование капиталом, но вообще оставляет неприкосновенными все теперь приобретенные права — он не проповедует равенства, напротив, выводит счастье человечества из гармонического сочетания этих неравенств.

Далее он не только не советует восставать против правительства, но даже воспрещает думать о перемене образа правления, порицает везде либералов и упрекает их за их покушения, отдаляющие только эпоху введения повсеместно его системы, и отдает преимущество монархическому образу правления перед другими.

Наконец, средств для этого введения он ищет преимущественно у особ владетельных.

Далее еще говорит, что религиозное чувство есть естественное в человеке, и не только допускает бессмертие души, но, по моему мнению, лучше всех его доказывает.

### 33. 1849 г. начало июня. — Выборка из показаний по делу И. Л. Ястржембского

Ч. 23, лл. 19—29 об. Основание для датировки указано в легенде к документу 6

Ястржембский  
титularный советник

#### Донесение Антонелли

Ястржембский, по донесениям Антонелли, был на собраниях у Петрашевского 11, 18 марта, 8 и 15 апреля.

В собрании 11 марта (131)<sup>1</sup> Толь говорил речь о происхождении религии и развивал вопрос, существует ли в людях религиозное чувство, доказывая, что религия убивает нравственность и не только не нужна в социальном смысле, но даже вредна, потому что подавляет развитие ума. На речь Толя многие делали возражения, которые он в свою очередь опровергал. Особенно много и красноречиво говорили Ястржембский и какой-то молодой человек. Чтение началось в 12 часу ночи; а разошлись в 5 утра. Каждый из бывших на собрании имел у себя книгу или бумагу.

В собрании 18 марта (147) Ястржембский говорил речь о науках. Сперва он определял, что есть наука, и разделял все науки на три класса: естественные, философские и политические, и к этим последним относил статистику, говоря, что по-настоящему она должна называться не статистикою, а общественною социальною наукою; но как великий князь

<sup>1</sup> цифры в скобках обозначают ссылку на страницы части дела 2-й. Предварительные сведения по донесениям агентов.



В приказе велел называть ее статистикою, то нечего делать, надобно ее так и называть. О богословии он говорил, что это не наука, а какие-то бредни, вышедшие из монашеских клобуков. Потом он предложил себе вопрос: что такое идея и понятие? И объяснил, что понятия и идеи об истине общие всем людям; например, что прекрасное во всяком народе будет называться прекрасным: мы понимаем прекрасное в музыке — гармонию, а турки понимают прекрасное в треске и грое их цинбалов и барабанов; но если этих же турок образовать, тогда без сомнения они будут понимать прекрасное в музыке — и гармонию. После того определял, что такое государство? И говорил, что оно есть собрание людей обоего пола, стремящееся достигнуть развития ума и достоинства человека; что государством может назваться только соединение людей обоего пола. Наконец, Ястржембский на вопрос: имеет ли государство цель? заметил, что Российское государство имеет целию подчинить достоинство всех людей, его составляющих, выгоде и пользе одного. Он говорил также, что все науки, и в особенности статистика, показывают прямо на социальное правление, как наилучшее. В речи своей Ястржембский часто ссылался на Прудона, но не соглашался с ним в понятии об обществе, говоря, что понятие Прудона об обществе очень ограничено и что человек должен стремиться составлять не какие-нибудь отдельные общества, но одно целое, которое бы соединяло в себе весь род человеческий.

Речь Ястржембского, говорит Антонелли, была усеяна сальбою на здешнюю чинованию, на чины возвышенных классов, на государя (по словам Ястржембского) — богдыхана, и вообще на все административное.

В собрании 8 апреля (267) Ястржембский с Петрашевским разбирали сочинения Фурриэ и Прудона. О сочинениях Фурриэ оба они выражались с громкою похвалою, а Прудона и хвалили, и бранили, находя в нем недостатки. Говоря о Ламартине, они относились об нем с самой дурной стороны. Наконец, они нападали на рассуждения в журнале «Des Debats», говоря, что эти рассуждения до чрезвычайности пошлы и даже подлы. За ужином Ястржембский говорил, что он поляк душою и телом; что за свободу Польши готов позволить выпустить себе всю кровь по капле; но если бы он был уверен, что самостоятельность Польши вредна развитию общечеловеческой идеи, то он первый бы одним взмахом топора отрубил ей голову. Потом Ястржембский старался убедить присутствовавших, что простой народ принципом зла непременно понимает государя. Доказать это он усиливался разговором своим с извозчиком: Ястржембский начал спрашивать извозчика о барышах, а этот последний отвечал:

«что барыши твои, бог дал такую дорожку, что горе да и только». На это Ястржембский сказал, что богу до дорожки нет дела, и он, вероятно, теперь лежит где-нибудь на печке, да спит. Переходя от предмета к предмету, Ястржембский спросил извозчика: господский ли он и платит ли оброк? Извозчик отвечал: «не только илачу оброк, да вот еще недавно мне закатили 50 лозонов за то, что не было денег заплатить». Тогда Ястржембский сказал: «зачем же ты платишь оброк? Сколько вас у барина?» Извозчик отвечал — 800. Ястржембский сказал: «вот как бы каждый из вас дал по колотушке барину, так вот и не надо было бы платить оброк, да и лозонов-то нечего было бы вам бояться — так ли?» Извозчик отвечал: «так батюшка». При этом Ястржембский сказал ему: «вот видишь, немцы нехристи, да не берут оброка, как же православные-то дерут с вас мужичков». Извозчик сказал: «да вот батюшка, говорят, что нас хотели сделать вольными, да царю это не выгодно, так он и оставил нас в кабале». Доказав, по мнению Ястржембского, последними словами извозчика то, что он предпринимал, и желая еще более усилить свои доказательства, прибавил, что он был в сношении с польскими, малороссийскими и белорусскими мужиками, что у всех их один и тот же взгляд, т. е. что принцип зла они видят в царе.

В собрании 15 апреля (291) читано письмо Белинского к Гоголю. В этом письме Белинский, разбирая положение России и народа, говорил в неприличных и ругательных выражениях — о православной религии, судопроизводстве, законах и властях. Это письмо произвело всеобщий восторг, и Ястржембский при всех местах, его поражавших, вскрикивал: «отто-так, отто-так».

Потом Петрашевский говорил речь по поводу отдания первенства одному из трех главных вопросов, разбиравшихся 1-го апреля, именно вопросу о перемене судопроизводства. Доказательства его были метафизические и недостойные замечания. Практическое же доказательство его было то, что нельзя предпринимать никакого восстания, не будучи впредь уверенным в совершенном успехе, что в нынешнее время и невозможно. Между тем, перемены судопроизводства можно достигнуть самым законным образом, требуя от правительства таких вещей, в которых оно не может отказать, сознавая их справедливость, что требуя одну за другою вещью, можно дойти, наконец, и до всего; с достижением же до возможного судопроизводства, откроются глаза всех и на другие вопросы; что главная наша забота состоять должна в том, чтобы внушать всем и каждому требовать различных перемен у правительства совершенно справедливых и совершенно законным образом.

Ястржембский защищал мнение Петрашевского и просил позволения впоследствии развернуть эту идею еще обширнейшим образом.

#### Показания свидетелей

Кайданов показал, что Ястржембский на вечерах у Петрашевского говорил о политической экономии четыре или пять раз, приводя примеры для подтверждения своих мыслей преимущественно из статистики Франции и Англии и касаясь о нашем правительстве тогда только, когда решение важных политических вопросов находилось в непосредственной зависимости от мер, принимаемых правительством. Рассуждения эти встречали много возражений от слушателей или [были] поводом продолжительных споров.

Он же, Кайданов, при словесных расспросах упоминал, что когда разбирали сочинения Прудона, Фурье и в особенности Мальтуса, то этим преимущественно занимался Ястржембский, который, между прочим, говорил о социализме; что он касался суждений о государе и что при этом многие возражали, что государя русский народ боготворит.

Михайлов показал, что Ястржембский у Петрашевского говорил: два раза о кредите и один раз о статистике, начав с изложения разных мнений об этой науке; но когда в заключение изложил свое мнение о том, что все науки, которые были до сих пор называемы: статистикой, наукою древностей, политической экономией и проч., должны составлять одну науку— статистику, то он, Михайлов, опровергал это мнение тем, что такая наука будет заключать в себе столько разнородного, что в ней будет совершенно невозможно сохранить систему и методу.

Ахшарумов показал, что Ястржембский на вечерах у Петрашевского читал лекции в духе социальном.

Ламанский показал, что Ястржембский в две пятницы у Петрашевского излагал историю политической экономии и социализма, а именно: доказывал необходимость свободной торговли и вред запретительной системы насильственным развитием мануфактурной деятельности, следствием которой необходимо должен быть пролетариат, а потом об отношении Прудона к капиталу и мнения об этом экономистов-социалистов и фурьеристов.

Штабс-капитан Львов показал, что Ястржембский на нескольких вечерах у Петрашевского, говоря о политико-экономии, сказал, что при движении народонаселения предположения Мальтуса справедливы, но указания его о преградах к увеличению народонаселения сильно бесчеловечны; по мнению Фурье, этому поспособят свободные браки, но что теперь

кроме проституции, он не знает другого средства. О вознаграждении за труд работникам от предпринимателей промышленности он говорил, что в тех странах, где промышленность развита, плата за труд значительнее, но что это имеет некоторый предел, и когда появляется сильная конкуренция, то плата эта уменьшается и, наконец, доходит до того, что работники работают за самую малую плату, недостаточную для их содержания; из этого он выводил соображение пролетариев.

Кашкин показывает, что за ужином у Петрашевского 8 апреля Ястржембский рассказал анекдот об извозчике, с которым он ехал и расспрашивал его дорогою, отчего он платит оброк, а немцы нехристи не платят; и когда кто-то спросил его, питает ли он особую ненависть к немцам, что он их привел в пример, то он отвечал, что ни к какому народу ненависти не питает, а что напротив, хотя он и любит Польшу, как отечество свое, всею душою, но если бы гибель Польши была необходима для счастья всех других народов, то он готов первый принести топор на отсечение главы ее. После того Ястржембский, между прочим, к какому-то случаю сказал, что в России нет народной любви к государю императору, но он, Кашкин, возражал против этого.

О Ястржембском упоминается еще в показаниях: Плещеева, Дурова, Тимковского, Филиппова, Деева, Десбута, Толя и Кропотова, но все они ничего особенного к обвинению его не объяснили.

В бумагах Ястржембского, как уведомил г. статс-секретарь кн. Голицын, найдены:

1) письмо Петрашевского от 16 марта о присылке взятого у него списка книг в следующую пятницу,

и 2) письмо Пальма, которым он приглашал Ястржембского к себе, предваряя, что его ожидает многочисленное и благовоспитанное общество, желающее принять его в общие объятия; причем поименованы бывшие уже в то время у него, Пальма, гости, именно Ламанский, Доргобужинов, Артемовский, Толбин и, наконец, как выражено в письме: «наша грешная троица».

#### Показания обвиняемого

Ястржембский объяснил, что по пятницам начал бывать у Петрашевского с сентября и [ли] конца августа 1848 г. и до времени ареста был там раз 10 или 15.

В первый раз когда он, Ястржембский, пришел к Петрашевскому, какой-то незнакомый ему молодой человек говорил о распределении богатства или дохода по методе Фурье.

Во второй раз какой-то Александр Пантелеич (Баласогло) читал о семейном и домашнем счастье.

При третьем посещении сам он, Ястржембский, читал лекции о любви и потом в 5 или 6 заседаний читал:

1) О распределении промышленности, богатства, ценности, источников богатства: природы, труда, и капитала, потребности, определил различие человека от животного на основании различия и разнообразия потребностей.

2) Теорию населения по Мальтусу и Сею; теорию первоначального распределения богатства или распределения дохода между предпринимателем промышленности, землевладельцем, капиталистом и работником, тут же опроверг нелепое мнение Прудона о поземельной собственности.

3) О торговле: определение ее, различие от спекуляции, определение цены первоначальной и меновой.

4) О кредите и кредитных учреждениях — разбор сочинения об этом предмете графа Цешковского; доказательство, что кредит не может принести настоящего облегчения для пауперизма.

5) Определение статистики и ее различие от других наук политических.

В одну из пятниц Толь читал о религиозном чувстве в человеке, но речи этой он, Ястржембский, не помнит.

15 апреля Петрашевский объявил, что по поводу предыдущего прения, на котором он, Ястржембский, не был, он будет излагать несколько мыслей о том, что полезнее для России: введение ли гласного судопроизводства, или освобождение крестьян? Полного изложения его он, Ястржембский, не помнит, но заключено было, что важнее судопроизводство гласное. В тот же вечер какой-то господин (это Достоевский) читал переписку Белинского с Гоголем.

В самом начале посещений его, Ястржембского, кто-то незнакомый ему говорил речь, из которой он, Ястржембский, понял, что не нужно подражать заговорщикам Западной Европы, а стараться мирным изучением системы Фурье содействовать счастью человечества.

Штабс-капитан Львов читал о специальном образовании.

Несколько вечеров было и таких, на которых никто ничего не читал, а был разговор между группами посетителей.

На тех вечерах, на которых бывал он, Ястржембский, никаких рассуждений об образах правлений и в особенности о предметах, относящихся до России, не было.

Только 15 апреля были читаны приведенные уже им, Ястржембским, статьи, из которых он заключил, что или сам

Петрашевский, или некоторые из его посетителей могут мечтать о либеральных установлениях в России, но имели ли они сумасбродную мысль сделать что-нибудь для устройства таких учреждений, он, Ястржембский, положительно не знает.

Сверх сего, при словесном расспросе, Ястржембский объяснил:

а) что разговор с извозчиком об оброке он точно рассказывал, но разговор этот был им выдуман.

б) Говорил также, что, бывая в Малороссии и в западных губерниях, он убедился, что вообще простой народ не имеет понятия о высшем правительстве и далее станового пристава не знает.

Это он утвердил письменно.

Кроме сего, при тех же словесных расспросах Ястржембский говорил:

1) что на вечерах у Петрашевского он иногда смеялся над чинованьем

и 2) что также сказал однажды, что если бы он видел, что бедные классы страдают, то отказался бы от своей задушевной мысли: восстановления Польши.

О сих обстоятельствах Ястржембский в письменном своем отзыве ничего не упомянул.

#### 34. 1849 г. июня 11. — Допрос И. Л. Ястржембского по вопросам пунктам

Ч. 23, лл. 30—57. Ответы — автограф. Датировано по журналу Следственной комиссии

На предлагаемые здесь высочайше учрежденною Следственною комиссиею предварительные вопросы пункты имеет объяснить по сушей справедливости, кратко и ясно:

[В.] 1. Как ваше имя, отчество и прозвание, сколько вам отроду лет, какого вероисповедания и исполняли ли в надлежащее время предписанные религиею обряды?

[О.] Иван Львов сын Ястржембский, 35 лет отроду, вероисповедания римско-католического, все религиозные обряды своевременно исполнял.

[В.] 2. Кто ваши родители и где они находятся, если живы?

[О.] Жив у меня отец, дворянин, находится Минской губернии в Речицком уезде.

[В.] 3. Где вы воспитывались, на чей счет, и когда окончили воспитание?

[О.] Первоначально воспитывался в Овручском базилианском монастыре, в Виленской гимназии и начал курс в бывшем Виленском университете на свой счет; был принят на

казенный кошт в Киевском университете и кончил курс в Харьковском университете в 1841 году, но диплом получил в 1842 году.

[В.] 4. Состоите ли на службе, когда вступили в оную, какую занимали должность и какой имеете чин; также не находились ли прежде сего под следствием или судом, и, если были, то за что именно?

[О.] Состою на службе в Санкт-Петербургском технологическом институте с 1-го мая 1843-го года, помощником инспектора классов, получил там чин титулярного советника. Под следствием и судом прежде сего никогда не был.

[В.] 5. Имеете ли недвижимое имение или собственные капиталы, а если нет, то какие имели вы средства к пропитанию себя и своего семейства, если его имеете?

[О.] Ни недвижимого имения, ни капиталов не имею, содержал себя жалованьем, на службе получаемым, и уроками, которые давал в Дворянском полку и в Институте корпуса инженеров путей сообщения. Семейства не имею.

[В.] 6. С кем имели близкое и короткое знакомство и частые сношения?

[О.] С следующими лицами: подполковником путей сообщения Мрочковским, дворянином Минской губернии Гаусманом, занимающимся здесь хождением по делам; чиновником Инспекторского департамента Военного министерства Францом Козловским, который служил прежде в сенате, они мои земляки, и с помощником столоначальника в почтовом департаменте Ивановым.

[В.] 7. Какие были ваши сношения внутри государства и за границую?

[О.] Внутри государства я писал письма и получал обратно от моего отца, сестры и других родственников, живущих в Минской и Волынской губернии, также от помещика Минской губернии Михайлы Быковского; и переписывался иногда с помещиком Тамбовской губернии Усманского уезда, князем Юрьем Николаевичем Голицыным, с которым познакомился в Харькове. Раз получил письмо от родственника моего, служащего по таможне в царстве Польском, за границую никогда писем не писал и оттуда не получал.

[В.] 8. Давно ли вы знакомы с Петрашевским?

[О.] Знаком я с Петрашевским с 1848-го г. 1-го мая, когда первый раз у него был, а видел его первый раз того же года в марте. И. Ястржембский.

[В.] 9. Что вас побудило познакомиться с Петрашевским?

[О.] Был 1-го мая 1848-го г. в Екатерингофе, Дуров и Щелков уговорили меня зайти к Петрашевскому по дороге, что я и сделал. И. Ястржембский.

[В.] 10. Часто ли вы посещали вечера его?

[О.] Я у Петрашевского был раз 10 до 15. И. Ястржембский.

[В.] 11. Сколько бывало людей на вечерах этих и кто из них постоянно посещал эти вечера?

[О.] На этих вечерах бывало от 15 до 20 человек. Чаще всего видывал я у Петрашевского следующие лица: Чирикова, Баласоглу, Толля, Монбелля, Щелкова, Дурова, Пальма, видывал часто и других, но их фамилий не знаю. И. Ястржембский.

[В.] 12. Известно, что в собрании у Петрашевского 11 марта Толь говорил речь о происхождении религии, доказывая между прочим, что она не только не нужна в социальном смысле, но даже вредна. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Я помню, что Толь \* говорил о происхождении религии от страха<sup>1</sup> перед внешнею природою и ее силами, но по самой чистой совести не могу сказать, говорил ли он или нет, что религия вредна. И. Ястржембский.

[В.] 13. На собрании у Петрашевского 18 марта вы говорили речь о науках и, между прочим, объясняли, что статистика по-настоящему должна называться не статистикою, а общественною социальною наукою, но как великий князь велел называть ее статистикою, то нечего делать, надобно ее так и называть. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Я говорил точно о статистике и, желая определить, что такое есть статистика, привел различные мнения авторов и сказал, что придерживаюсь мнения Нимана, по которому: статистика есть теория государства или общества,<sup>2</sup> что другие авторы называют науку такую политическою экономикою, но что совершенно все равно, как не называть ее и что так она называется у нас в военно-учебных заведениях с утверждения великого князя. И. Ястржембский.

В доказательство этого прошу покорнейше сыскать между моими бумагами писанную лекцию мою об этом предмете — именно, определение статистики — и т. д.

[В.] 14. Вместе с тем вы говорили, что все науки, в особенности статистика, показывают прямо на социальное правление, как наилучшее. Объясните смысл этих слов.

[О.] Этих слов я не говорил и даже вовсе их не понимаю. И. Ястржембский.

[В.] 15. На том же собрании вы говорили о богословии, что это не наука, а какие-то бредни, вышедшие из монашеских клобуков. Объясните слова эти.

<sup>1</sup> подчеркнуто красным карандашом \* отмечено на полях

[О.] Я говорил, что богословие не составляет вовсе науки, но занятие особого рода людей. И. Ястржембский.

[В.] 16. На том же собрании вы, развивая вопрос — имеет ли государство цель, говорили, что Российское государство имеет целью подчинить достоинство всех людей, его составляющих, выгоде и пользе одного. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Я говорил действительно, что государство вообще не имеет никакой цели,<sup>1</sup> потому что существует по воле providения, и что, следовательно, из этого вытекает, что никто не может отложиться от государственной жизни произвольно, но о Российском государстве вовсе не говорил.<sup>2</sup> \*относительно же развития человечества я говорил, что действительно со временем должно предполагать, что признаки отдельных народностей соединятся в одно, будет общий язык, общие меры и т. д. — по учению Фурье.<sup>2</sup> И. Ястржембский.

К этому показанию я почитаю нужным добавить, что слова: Российское государство имеет целью подчинить достоинство людей выгоде одного, были сказаны кем-то другим, не хочу ни закрывать никого, ни показывать на невинного, а мне показалось, будто слова эти сказал Балас-оглу, или Дуров. Титулярный советник И. Ястржембский.

[В.] 17. Вы на том же собрании говорили, что человек должен стремиться составлять не какие-нибудь отдельные общества, но одно целое, которое бы соединяло весь род человеческий. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Об этом уж я показал. И. Ястржембский.

[В.] 18. В тех же разговорах вы восставали на здешнюю чинованню и на чины возвышенных классов, причем, если желали назвать кого дураком, говорили: «действительный статский советник». Вообще вы восставали на все административное, а государя называли богдыханом. Сделайте об этом объяснение.

[О.] \*Над чинованнею я смеялся действительно,<sup>3</sup> но об остальном я не говорил. И. Ястржембский.

[В.] 19. Известно, что в собрании у Петрашевского 8 апреля — за ужином вы, между прочим, говорили, что за свободу Польши готовы позволить выпустить себе всю кровь по капле, но если бы вы были уверены, что самостоятельность Польши вредна развитию общечеловеческой идеи, то вы первый одним взмахом топора отрубили бы ей голову. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Это было гораздо прежде, нежели 8 апреля, речь была о том, что в Европе поляки теперь своими возмущениями мешают развиться системе Фурье, которая может только водвориться при совершенном спокойствии и твердости нравительств. Я сказал, что я в душе поляк и \*готов жизнь свою дать за восстановление<sup>1</sup> польской народности, но если этого требует счастье человечества, то я жертвую совершенно польскою народностью. И. Ястржембский.

[В.] 20. При том же разговоре за ужином вы старались уверить присутствовавших, что простой народ принципом зла непременно понимает государя, и доказывали это разговором своим с извозчиком, об оброке. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Г. Головинский рассказывал, что простой народ русский надеется на царя в своем освобождении от крепостного состояния, я же говорил наоборот, что простой народ говорит в пословице: бог высоко, царь далеко, \*и что он вовсе не имеет точного понятия о высочайшей власти, старался подтвердить это анекдотом об извозчике, который сказал эту же поговорку и после добавил, что если бы царь хотел, то мог бы и освободить, да бог вещь захочет ли. Разговор с извозчиком об оброке<sup>2</sup> я точно рассказывал. И. Ястржембский.

Здесь я должен тоже добавить, что \* слова: «простой народ принципом зла почитает государя» сказал тоже кто-то другой,<sup>3</sup> но кто именно, я в общем разговоре не заметил. И. Ястржембский.

[В.] 21. Вы говорили также, что быв в Польше, Малороссии и Белороссии, вы убедились, что у всех тамошних мужиков один и тот же взгляд, т. е. что принцип зла они видят в царе. Объясните и этот разговор.

[О.] Я<sup>4</sup> должен заметить, что в Польше я не был, а о<sup>5</sup> Белороссии и Малороссии я говорил, что простой народ не понимает сущности верховной власти, а о том, что видит принцип зла в государе, я вовсе не говорил. И. Ястржембский.

[В.] 22. Вы говорили еще, что в России нет народной любви к государю императору. Объясните слова эти.

[О.] Этого я вовсе не говорил. И. Ястржембский.

[В.] 23. Известно, что на собрании у Петрашевского 15 апреля Петрашевский читал речь по поводу отдания первенства вопросу о судопроизводстве и, между прочим, говорил, что переменою судопроизводства откроются и все прочие недостатки и что восстания нельзя предпринимать без

<sup>1</sup>, <sup>2</sup> подчеркнуто красным карандашом <sup>3</sup> отмечено на полях и вторично подчеркнуто красным карандашом

<sup>1</sup> подчеркнуто и отмечено на полях. Вся фраза подчеркнута красным карандашом. <sup>2</sup> подчеркнуто красным карандашом <sup>4</sup> зач. говорит <sup>5</sup> в подлиннике: в

уверенности в совершенном успехе, что перемены судопроизводства можно достигнуть законным образом, требуя от правительства таких вещей, в которых оно не может отказать, сознавая их справедливость, и что, достигнув перемены в судопроизводстве, можно будет требовать у правительства и других перемен. Дайте о сем объяснение и покажите, было ли читано на этом собрании письмо Белинского к Гоголю?

[О.] \*Петрашевский действительно говорил в этом смысле.<sup>1</sup> И. Ястржембский.

[В.] 24. Кроме указанных вам разговоров, происходивших на собраниях у Петрашевского, не было ли там говорено еще чего-нибудь особенно замечательного в отношении правительства и кто именно говорил?

[О.] Я ничего не слышал. И. Ястржембский.

[В.] 25. Объясните подробнее, почему вы вывели заключение из того, что было читано в собрании у Петрашевского 15 апреля, что или сам Петрашевский, или некоторые из его посетителей могут мечтать о либеральных установлениях в России?

[О.] Я это думал и заключил это из речи Петрашевского о публичном судопроизводстве и из того, \* что Кузьмин говорил<sup>2</sup> о свободе печати. И. Ястржембский.

[В.] 26. Объясните, какие статьи читали вы на вечерах Петрашевского, кроме тех, которые вам уже указаны?

[О.] Кроме тех статей, которые я поименовал, никаких более не читал. И. Ястржембский.

[В.] 27. Бывали ли вы на собраниях у Спешнева, Кашкина, Кузьмина, Дурова, Данилевского, и не было ли подобных собраний и у других лиц?

[О.] У Дурова я бывал, но вовсе не на собраниях, а у прочих лиц я вовсе не был и о других подобных собраниях не знаю. И. Ястржембский.

[В.] 28. Кто еще посещал эти собрания и чем там занимались?

[О.] Отвечал на предыдущем вопросе. И. Ястржембский.

[В.] 29. Если вам что-либо известно в отношении к злоумышлению, которое бы существовало и вне обозначенных собраний, то обязываетесь все то показать с полною откровенностью.

[О.] Теперь не помню, а если вспомню, то непременно представлю. И. Ястржембский.

[В.] Объясните, с которых пор и по какому случаю проявилось в вас либеральное направление.<sup>3</sup>

<sup>1</sup> отмечено на полях и подчеркнуто красным карандашом <sup>2</sup> подчеркнуто <sup>3</sup> приписано карандашом: или социальное

[О.] Либеральным себя я не сознаю, а \* держусь системы Фурье,<sup>1</sup> который придерживается монархического образа правления и советует употреблять \* правильно страсти человеческие в деле производства богатства.<sup>2</sup> И. Ястржембский.

[В.] Что вы знаете об учителе Белцком?

[О.] Я с этим лицом не знаком.

Во всех сих ответах моих на предложенные мне вопросные пункты написал я сущую истину и ничего более прибавить не имею, в чем и подписуюсь.

Титулярный советник Иван Ястржембский.

[В.] Объясните, когда и каким образом вы познакомились с Чернословитовым?

[О.] Фамилия Чернословитова мне вовсе не знакома. Не знаю, знакомо ли лицо, потому что я нескольких из бывавших у Петрашевского знаю в лицо, потому что видел их, но их фамилий не знаю. Впрочем, я должен добавить, что ни с кем из посещавших<sup>3</sup> Петрашевского я близко не познакомился. И. Ястржембский.

[В.] Есть показания, что разговоры Чернословитова на вечерах у Петрашевского внушали мысль, что он шпион. Произвел ли Чернословитов и над вами такое впечатление?

[О.] Таких разговоров, которые бы могли мне внушить мысль, что лицо их произносящее есть шпион, я не слышал на вечерах у Петрашевского ни от кого. И. Ястржембский.

### 35. 1849 г. до 20 июля. — Допросы И. Л. Ястржембского о разных лицах

Ч. 119. „Выс. повеления и другие бумаги, относящиеся до лиц, прикосновенных к делу, а также до лиц, освобожденных от допросов“, на 459 лл. Ответы — автограф. Основание для датировки см. в легенде к документу 9

I

Л. 67

[В.] Часто ли г. Бурнашев посещал собрания Петрашевского и какое принимал в них участие?

[О.] Этого лица я вовсе не знаю. И. Ястржембский.

II

Лл. 73—74

[В.] Объясните, часто ли посещали собрания Петрашевского и с которого времени нижепоименованные лица, а также имена, отчества и звания их, где служат и имеют жи-

<sup>1</sup> подчеркнуто <sup>2</sup> отмечено на полях <sup>3</sup> исправлено из: посещающих

тельство: Вернацкий, Авдеев, Стальницкий, Григорьев, Ратовский, Степанов, Аслан, Гренков, Полянский, Матрашенко, Стасов 1, Стасов 2, Макеев, Сипко, Михайлов, Сундуков 1, Сундуков 2, Назаров, Петров, Взметнев, Бурнашев.

[О.] Я знаю одного Вернацкого, Ивана, профессора политической экономии в Киеве, видел его в Петербурге, но у Петрашевского не видал. Да и видел Вернацкого в Петербурге, когда Петрашевского вовсе еще не знал.

Остальных лиц фамилии вовсе мне не известны. И. Ястржембский.

Должен добавить, что один раз видел я там у Петрашевского лицо, которое называли Бернардский, и что знакомый мой и бывший товарищ Киевского университета имеет фамилию Вернадский — был в Петербурге проездом из-за границы в Киев. И. Ястржембский.

### III

Л. 85

[В.] Как имя и отчество г. Витковского, посещавшего собрания Петрашевского, какого звания, где служит и имеет жительство, а также не известно ли вам, с которых пор он начал посещать эти собрания и когда прекратил посещения.

[О.] Фамилия г. Витковского мне вовсе не известна. Может быть я у Петрашевского и видел его, но никаких подробностей сообщить не могу о том, кто он таков, где живет и т. д. Вообще я по фамилии знаю только из посещавших Петрашевского тех лиц, которых поименовал в прежних моих ответах. И. Ястржембский.

Считаю необходимо нужным добавить, что я искренно желаю дать комиссии все возможные сведения, которые могу сообщить, поэтому всепокорнейше прошу, если можно, сообщить мне какие-нибудь физические или нравственные признаки г. Витковского, тогда я может быть, если не фамилию (которой по совести не знаю), но лицо его вспомню. И. Ястржембский.

### IV

Л. 123

[В.] Часто ли г. Михелин посещал собрания Петрашевского и какое он принимал в них участие?

[О.] Этого лица я вовсе не знаю. Ястржембский.

### V

Л. 151

[В.] Часто ли г. Петров посещал собрания Петрашевского и какое принимал в них участие?

[О.] Этого лица я вовсе не знаю. Ястржембский.

### VI

Л. 202

[В.] Часто ли г. Ховрин посещал собрания Петрашевского и какое принимал в них участие? Кавалергардского ее величества полка поручик. Это же объяснение нужно: об аудиторе Александрове, о Николае Петровиче Семенове, о Петре Петровиче Семенове, об учителе Ратовском, о г. Вернацком.

[О.] Об этих лицах я тоже могу только сказать, что я их вовсе не знаю — за исключением фамилии Вернацкого, фамилию эту и лицо я знаю, но лицо, которое так<sup>1</sup> зовут, я никогда не видал у Петрашевского. Тоже должен сказать, что никакого кавалергардского офицера там не видал. И. Ястржембский.

### 36. 1849 г. октября 20. — Подписка И. Л. Ястржембского, данная Военно-судной комиссии

Ч. 120. „Дело, произведенное выс. учрежденной Военно-судною комиссиею над злоумышленниками“. На 619 лл. Л. 402. Ответ — автограф

Г. титулярному советнику Ястржембскому.

[В.] Высочайше учрежденная для суждения вас по полевым военным законам Военно-судная комиссия предлагает вам объяснить: не имеете ли вы, в дополнение данных уже вами при следствии показаний еще чего-либо к оправданию своей вины представить?

[О.] На этот запрос честь имею отвечать, что ничего нового добавить к прежним моим показаниям не имею, а только повторяю то, что в Следственной комиссии сказал словесно, что никакого злого умысла не имел. Титулярный советник И. Ястржембский.

20 октября 1849 г.

### 37. 1849 г. ноября 10. — Показание И. Л. Ястржембского

Ч. 120, лл. 593—594. Автограф

В высочайше учрежденную Военно-судную комиссию титулярного советника Ястржембского

Дополнение к показаниям

В бытность мою в Военно-судной комиссии я совершенно позабыл тех запросов, которые мне были сделаны в След-

<sup>1</sup> так зовут исправлено из: ее имеет

ственной комиссии, теперь я их несколько вспомнил и всепокорнейше прошу принять в мое оправдание то, что следует.

1) Меня обвинили, будто я называл государя императора богдыханом, — это обвинение я отвергаю со всею силою невинности — я полагал, что мне дадут по этому случаю очную ставку с моими обвинителями, и не знаю, имею ли право сам просить о ее назначении, — это я узнал едва сегодня от господина коменданта. Если это мне поставляется в вину, то всепокорнейше прошу дать мне очную ставку для обличения обвинивших меня в лживом показании.

2) На меня показывали, что я в одной из моих бесед сказал, что «цель Российского государства состоит в подчинении всего одному лицу». Это я равномерно не говорил и в доказательство прошу очной ставки. Мысль эту или что-то подобное сказал кто-то другой, и если мне поставить в вину, что я слыша не донес, то в мое оправдание могу сказать, что когда эти слова были произнесены, я был занят разговором о другом предмете и даже их хорошо не расслышал и вспомнил даже гораздо позже сделанного мне о них допроса и добавил мое показание после.

3) Равномерно прошу очной ставки насчет обвинения меня в произнесении будто бы слов: что статистика в военно-учебных заведениях называется так потому, что так приказал великий князь; этого я никогда не говорил.

4) Еще меня в комиссии спрашивали, что значат слова, произнесенные мною: «я — поляк и за восстановление польской народности готов пожертвовать жизнью, но если нужно для счастья человечества, то сам готов изрубить эту народность». Таких резких слов я не употребил, а как некоторые из присутствующих оуждали поляков за то, что они производят мятежи в Европе и тем препятствуют спокойному водворению народного благосостояния и богатства, то я сказал только, что хотя бы и желал восстановления польской народности, но если оно должно быть сопряжено с мятежом и войною, то от него отказываюсь.

5) В последний раз только моей бытности у Петрашевского я услышал чтение переписки Белинского с Гоголем и беседу Петрашевского о пользе введения в России гласного судопроизводства. Если я могу быть обвинен в том, что не донес о том, что слышал, то в оправдание скажу, что я незадолго<sup>1</sup> после того был арестован и не имел времени обсуждать важности слышанного мною.

6) Также показано на меня, будто бы я сказал, что русские крестьяне почитают государя принципом зла — этого

<sup>1</sup> зач.: перед те

я не говорил и равномерно в доказательство прошу очной ставки. Также относительно анекдота, который я рассказывал в последний раз моей бытности у Петрашевского, то он заключался в следующем: что один извозчик жаловался на дороговизну оброка и сказал, что если бы царь хотел, то может быть и были бы мы свободны, но бог высоко, царь далеко. Вот единственно слова, которые я сказал, если что больше показано, то это выдумка.

В заключение еще раз призываю в свидетели бога, что не только сам не имел никакого злого замысла, но и в других не мог его подозревать и всегда был верноподанным и спокойным гражданином. Если же я сознался в том, что в политической экономии следую учению Фурье, то этого не почитаю преступлением, так как Фурье повелевает почитать учрежденные власти, отдает преимущество монархическому образу правления, почитает право собственности, и все его учение ознаменовано отвращением от либерализма, демагогии, мятежей и возмущений.

Титулярный советник И. Ястржембский.

10 ноября 1849 г.

